

Южно-Китайское море: Китай и другие

© 2013

В. Воробьев

Ситуация в Южно-Китайском море в последние годы обретает черты зоны риска тихоокеанского масштаба. Однако опасную грань пока никто не переступает. Судя по всему, дело не только в территориальных спорах Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии — членов АСЕАН. Проблематика ЮКМ в некоторых ее аспектах выходит за региональные рамки.

Ключевые слова: Южно-Китайское море, страны Юго-Восточной Азии, территориальные споры, свобода мореплавания, США, Россия, Китай.

Ситуация в Южно-Китайском море (ЮКМ), считавшаяся некогда «раздражителем» местного значения, как бы замыкавшим с юга «восточноазиатскую дугу конфликтности», в последние годы обретает черты зоны риска тихоокеанского масштаба. Там учащаются случаи подскоков политической температуры, всплесков жесткой риторики и демонстраций военных мускулов. Правда, несмотря на рост настораживающих моментов, опасную грань никто не переступает.

Налицо заметное расширение спектра интерпретаций той ситуации, которая сложилась в ЮКМ. Еще недавно конфликт трактовался как столкновение позиций Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии — членов АСЕАН (Филиппины, Вьетнам, Малайзия, Бруней, отчасти Индонезия) относительно прав на владение несколькими группами необитаемых островов, рифов и отмелей, разбросанных по всему пространству ЮКМ, а также пределов их исключительных экономических зон и континентального шельфа. Претензии подобного рода высказывает также Тайвань.

Однако, судя по всему, подоплека нынешней ситуации не столь однолинейна, она принимает многомерный характер. Проблематика ЮКМ в некоторых аспектах выплескивается за узко региональные рамки. Реально действующих лиц на сегодня оказывается заметно больше, чем непосредственных участников территориальных споров.

* * *

Прежде всего, сами споры, идущие в основном вокруг двух больших групп островов — Парасельских и Спратли (общепринятые названия), являются сложносоставными. Имеет место перекрещивающееся наложение притязаний. Одну и ту же территорию называют своей одновременно и Китай и, в разных сочетаниях, перечисленные выше страны, которые к тому же находятся в несогласии между собой по тем же самым островным землям.

АСЕАН, начинавшаяся 40 с лишним лет назад с шести стран, а сейчас насчитывающая десять, в определенной степени создавалась и ныне служит неким амортизато-

ром территориальных и пограничных проблем, которые были и сохраняются в Юго-Восточной Азии на море и на суше в различной степени остроты.

Выглядит, например, курьезом, но остается фактом то, что Филиппины, считающие недорешенным вопрос о принадлежности малайзийского штата Сабах (северовосточная оконечность острова Борнео (Калимантан), до сих пор получают символическую ежегодную дань от правительства Малайзии в пользу сабахского султана, обитающего на Филиппинах. Тот же Сабах, а также другой малайзийский штат на Борнео Саравак (оба прежде британские владения) в доколониальные времена составляли обширное брунейское государство, которое потом оказалось ужатым до его нынешней мизерной сухопутной территории. На Борнео у Малайзии вопросы о границе также с Индонезией, а на севере — с Таиландом. Примеров актуализации «исторической памяти» среди стран Юго-Восточной Азии достаточно много, взять Таиланд и Камбоджу. Это и касается конкурирующих версий о принадлежности островов в ЮКМ с весьма давних времен.

Иными словами, в регионе существует перманентный фактор в виде взаимных территориальных претензий и обид, причем заметных встречных шагов к их снятию в двустороннем порядке пока не просматривается. Сближает спорящих стремление держать ситуацию под контролем. Структуры АСЕАН дают возможность умеривать вспышки или купировать их через внутренние политические процедуры. Своеобразным тормозом для спорящих стран Юго-Восточной Азии выступает то, что в территориальных аспектах проблематики ЮКМ они вроде бы вместе вынуждены противостоять Китаю. АСЕАН в этом случае используется ими как коллективное прикрытие, позволяющее формировать некую общепринципиальную платформу, противостоящую нависающему давлению со стороны Китая. В то же время китайский предлог служит «патриотичной» ссылкой для объяснения растущих затрат и усилий с целью увеличения и совершенствования собственных военных потенциалов, которые ни при каких усилиях не в состоянии уравновесить китайский. Таким образом формируется тенденция милитаризации мышления, которая способна быстро подмять под себя все остальное.

Китай предъявляет свои «исторические козыри». Он утверждает, что в анналах древних императорских династий острова в ЮКМ не только упоминаются еще две тысячи лет тому назад, но уже тогда им были даны китайские названия, сохранившиеся поныне. В Китае имеют хождение карты с показом давно принятых в стране представлений о территориальном наполнении китайского государства в периоды сменявших друг друга династий. Сухопутные имперские границы на них получают разные начертания — так, если в эпоху Юань (XIII—XIV вв.) Восточная Сибирь вплоть до арктического и тихоокеанского побережий включается в состав Китая, то затем пределы империи оказываются значительно южнее и западнее, на линии чуть севернее озера Байкал. Но, начиная с первой династии Цинь (III в. до н.э.), практически вся акватория ЮКМ последовательно и неизменно показывается китайской. В точности так, как это выглядит на современных официальных картах КНР, а именно — не сплошной линией, принятой для обозначения государственной границы, а в виде прерывистой «линии девяти пунктиров».

Конечно, карты «древних владений» в их нынешнем виде являются во многом умозрительным продуктом гораздо более поздних времен, чем периоды существования императорских династий. Однако по китайским меркам они обрели статус аутентичного исторического свидетельства, почти официального документа. Судя по всему, именно такого рода «исторические» карты были переданы в ООН в 1947 г. гоминьдановским правительством в обоснование известной сейчас всем китайской позиции относительно принадлежности островов и морской акватории в ЮКМ. Таким образом, сущность современной линии Пекина в данном вопросе — это не столько проявление или следствие политики быстрого «возвышения» и укрепления мощи Китая в последние три десятилетия. Скорее следует вести речь о преемственности и устойчивости в китайском социуме исторических стереотипов, невзирая на смену эпох и природы властных структур.

Бросающейся в глаза особенностью споров между Китаем и рядом юго-восточных стран вокруг островов в ЮКМ является то, что в них не фигурируют договорные акты, которые могли бы недвусмысленно подтвердить территориальные амбиции любого из участников или свидетельствовать о том, что кто-то нарушает правоустанавливающие документы по данной тематике или не считается с ними. Получается, все играют на достаточно зыбком поле «исторических» ссылок и туманных прецедентов, трактуемых каждым в свою пользу. Обладая самыми длительными письменными хроникальными источниками и непрерывностью суверенной истории, Китай располагает здесь заведомым преимуществом. Другое дело, что при территориальных спорах экскурсы в историю имеют, главным образом, эмоционально-мобилизующую нагрузку. Для международно-правового решения они носят факультативный, вспомогательный характер, уступая, в конечном счете, приоритет соображениям политической целесообразности, а бывает, и конъюнктуры. Главное во всем этом, чтобы битва «исторических памятней» не оборачивалась реальными сражениями, что, к сожалению, иногда получается.

* * *

Широко утвердилось мнение, что ЮКМ — это уже не только и не столько источник ценного природного удобрения (птичье гуано) и рыбных ресурсов. Перспективы района связывают с крупными газовыми и нефтяными залежами. В млрд куб. м и в млн т они оцениваются прикидочно, но цифры, как правило, выкладываются соблазнительные. С расширением утилитарного внимания в ЮКМ к энергоносным донным пространствам владение островами, независимо от их размеров и пригодности к обитанию, вдобавок к стратегической важности обретает и коммерческую значимость. Острова играют роль определяющих критериев при дележе этого пространства прилегающими к ЮКМ и расположенными вблизи государствами. А почти все они, не дожидаясь окончательного урегулирования споров, активно приступили к разведке и разработке морских недр в ЮКМ с привлечением внерегиональных игроков, включая Россию.

Оужная оконечность островов Спратли, являющихся предметом перекрестного многостороннего спора, отстоит почти на 1000 км южнее побережья КНР, которая в отличие от юго-восточных стран претендует на всю группу (наряду с Тайванем). Китай уже занимает все Парасельские острова, с чем решительно не согласен Вьетнам, считающий их полностью своими. Иными словами, реализация китайского подхода подразумевает получение Китаем единоличного права контроля почти над всей акваторией и морским дном ЮКМ, то есть узаконение в одностороннем порядке того, что обозначается Китаем на «древних» и современных картах.

Однако такой подход вряд ли найдет поддержку у мирового сообщества. Через ЮКМ осуществляется интенсивное международное судоходство, проходят морские коммуникации, жизненно важные для большого числа стран, расположенных на разных континентах. Происходящее в последние годы смещение динамики мировой экономической активности в азиатско-тихоокеанскую зону предполагает неукоснительность обеспечения свободы навигации в ЮКМ и через него. Это — самостоятельный фактор в проблематике ЮКМ, и его нельзя игнорировать. Он становится еще одним мотивом и оправданием стимулирования военных приготовлений в районе ЮКМ, которое проявляется не только в заметном переключении на военные нужды сил и средств прибрежных стран ЮВА в опоре на внерегиональные государства, но также в наращивании последними разнообразных форм военного присутствия и активности в Восточной Азии и в зоне ЮКМ. Военные приготовления Китая, которые осуществляются с учетом характера действий «всех игроков», интерпретируются наблюдателями не как следствие тлеющих территориальных споров, а как угроза свободе навигации в ЮКМ.

Что же получается в реальности? Складывается своего рода замкнутый круг гонки вооружений и накопления дестабилизирующих элементов, который внешне выглядит как

противостояние озабоченности мирового сообщества состоянием и перспективами свободы мореплавания в ЮКМ и гипотетических посягательств на нее со стороны Китая.

Конечно, предполагать можно всякое, невзирая на отсутствие соответствующих прецедентов или сигналов о подобных намерениях. Такой «прогноз» становится удобным предлогом для разыгрывания «карты» интернационализации тематики ЮКМ. Неважно, что для современного Китая, одного из ведущих глобальных экспортеров, плотно завязанного на непрерывной подвоз сырья и энергоресурсов, морские коммуникации, особенно через ЮКМ, играют жизнеобеспечивающую роль. Не зря же Китай развил на своем побережье несколько крупнейших в мире торговых портов и мощное океаническое судостроение. Он формирует зоны свободной торговли на юге с АСЕАН, а на северо-востоке с Японией и Южной Кореей. Сбои в функционировании морских путей имели бы самое разрушительное воздействие, прежде всего, на китайскую экономику с далеко идущими социально-политическими последствиями.

Так, может быть, дело не столько в реальности китайской угрозы свободе судоходства, сколько в том, что под этой «маркой» внерегиональные игроки стремятся разжиться дополнительными рычагами и оправданиями для выстраивания собственных военно-политических комбинаций с прицелом на «сдерживание амбиций» КНР?

С приходом в 2008 г. к власти в США демократов Вашингтон практически сразу определил в качестве приоритетной задачу восстановления, а на деле — упрочения своего военно-политического лидерства и конкурентных позиций в тихоокеанском бассейне. Словно по заранее проработанным и сцепленным воедино «домашним заготовкам» пошло быстрое оживление и упорядочение традиционных союзнических связей, реанимация и модернизация прежних, а также установление новых партнерских отношений, выстраивание на этой основе новых политических и экономических конфигураций. В том числе азиатской системы ПРО, создание которой ведется темпами, не уступающими европейской.

Показательны в этом смысле рассуждения министра обороны США Роберта Гейтса в статье, опубликованной в журнале «Foreign Affairs» № 3 за 2010 г. Ее лейтмотив в том, что США должны стараться избегать прямых военных интервенций и делать ставку на развитие и использование потенциалов партнеров — «помогая другим, защищать себя». При этом важнейшим элементом стратегии американской национальной безопасности провозглашается безопасность и укрепление государственных структур других стран. Реализация данной линии рельефно проступает на примере Филиппин. Они стали вновь заметно крениться в американскую сторону. Практически взят курс на форсированную военную модернизацию в опоре на США, на создание современных вооруженных сил, которые доселе уступали по численности и техническому оснащению полиции и внутренним войскам, а также были ориентированы в основном на подавление оппозиционных и сепаратистских сил. США предоставляют дополнительные возможности для размещения их мобильных сил, разведывательных пунктов дальней радиолокации и оборудования подводного слежения, прежде всего, нацеленных на ЮКМ и китайские прибрежные воды. Не отсюда ли резкое оживление и задиристость Манилы в последние год-два по поводу островов в ЮКМ?

Географически американская активизация практически совпадает с упомянутой выше восточноазиатской дугой конфликтогенности. Это очень заметно, но не озадачивает. Ведь политика США на Тихом океане, да и в АТР в целом во всех ее проявлениях ориентирована, прежде всего, на обеспечение себе положения доминантной фигуры в условиях обостряющегося состязания с Китаем по мере его превращения в самобытный полюс в мировом раскладе сил. Если отношения между Китаем и США можно описать как диалектически подвижное сосуществование двух величин, то ЮКМ, вновь оказавшись в последние годы в фокусе внимания Вашингтона, становится местом непосредственного соприкосновения двух стран в их военно-морской компоненте. США, таким образом, целенаправленно хотят играть в ЮКМ не вспомогательную роль заинтересован-

ного внерегионального государства, а выступать в качестве субъекта, наделяющего себя «режиссерскими функциями». В этом следуют видеть весомую часть общей тихоокеанской стратегии США, с которой придется считаться всем, кто хочет, чтобы ЮКМ не стало очагом пожароопасности.

* * *

Многокомпонентный характер проблематики ЮКМ не располагает к тому, чтобы кто-то сумел предложить универсальный ключ, который обеспечил бы одномоментное комплексное решение. Это представляется далеким от реальности как с точки зрения ожиданий, так и в плане вектора усилий.

В проблематике ЮКМ можно констатировать наличие двух крупных, неодинаковых по смыслу, но не изолированных друг от друга сегментов. Во-первых, клубок территориальных споров насчет островов и вытекающая отсюда тема установления морских и донных границ, сама по себе несущая заряд серьезных разногласий. Во-вторых, обоснованная забота международного сообщества о том, чтобы в этом районе конфликтная ситуация удерживалась в контролируемом состоянии и не сказывалась на свободе морских коммуникаций.

Применительно ко второму сегменту можно говорить о широком схождении интересов (но вовсе не обязательно о совпадении мотивов) большого числа государств, в том числе внерегиональных, включая Россию. То есть о наличии объективной предпосылки рассматривать вопрос в интернациональной проекции со свойственным такому подходу инструментариумом. В общей форме он уже довольно давно обсуждается на ежегодных министерских заседаниях асеановского регионального форума по безопасности (АРФ), с недавних пор — на Восточно-азиатских саммитах (ВАС), в обоих случаях с участием России. Он неизменно затрагивается на встречах АСЕАН с диалоговыми партнерами, которые регулярно проводятся в различных форматах. Позиции всех участников достаточно известны, как и тональность, в которой они озвучиваются. Эти позиции воспроизводятся каждый раз примерно схожим образом с той или иной долей фразеологической нюансировки. Поэтому потребности в еще одном специальном механизме по ЮКМ не просматриваются.

Что касается первого сегмента, то там налицо противостояние претензий по специфической теме субъективного порядка — территориально-разграничительной. Теме, которая в ЮКМ не имеет внешних источников происхождения, а потому должна быть отнесена к предмету урегулирования, прежде всего, между самими спорщиками. Именно в недопущении того, чтобы они действовали силовым образом в отношении друг друга, а не во «встревании» в переговорный процесс видится роль международного сообщества.

Следует подчеркнуть, что в ЮКМ речь идет не об урегулировании пограничных вопросов. В таких случаях путем сложных переговоров стороны сопоставляют взгляды относительно соответствия прохождения линии существующей и в целом международно-признанной границы, установленной ранее на основе сохраняющих силу правовых актов. Принадлежность того или иного района определяется не заранее, а в зависимости от местоположения границы на местности.

При территориальном споре все наоборот. Конкретное разграничение играет подчиненную роль. Стороны сперва делят территории, бывает, что крупными кусками, а затем прокладывают заново границу. При этом они могут принимать во внимание разнообразные моменты, в том числе исторического порядка. Но все же конечная формула, как правило, диктуется политической волей участников, несет на себе печать «весовой категории» и замыслов каждого из них.

Решать вопрос о принадлежности земель, будь то на суше или на море, можно тремя основными способами. Первый — когда, обычно по итогам войны, группа государств-победителей договаривается о территориальном устройстве мира (или его значи-

тельных частей), включая конкретные предписания относительно будущих пределов юрисдикции проигравших стран. К такого рода фундаментальным решениям относятся Версальский мир 1919 г. после Первой мировой войны, Ялтинские и Потсдамские соглашения после разгрома гитлеровской Германии в 1945 г. Последние соглашения затрагивают также Японию, как основного азиатского союзника Германии. Они подтверждены в правоустанавливающих документах ООН.

Так, например, спор между КНР и Японией по поводу мелких необжитых островов Дяоюйдао (Сенкаку) в Восточно-Китайском море по сути своей является не только и не столько историческим или сугубо территориальным. Дело касается вопроса о неукоснительном соблюдении итогов Второй мировой войны в том, что относится к постановлениям насчет ограничений территориальной юрисдикции Японии. Проблематику ЮКМ послевоенное территориальное распределение не затрагивает.

Второй способ — когда группа государств фиксирует отказ от взаимных территориальных претензий или берет на себя обязательство уважать и соблюдать неприкосновенность границ, существующих на момент договоренности. Это — сугубо политические решения на основе добровольности. На такой основе строятся НАТО и Евросоюз. Подобный современный подход заложен в Хельсинский договорной акт 1975 г. Показательно, что, несмотря на последовавшие пертурбации на Европейском континенте, распад ряда государств-подписантов акта, границы новообразовавшихся стран не выходят за внешние контуры прежних государств.

Третий — когда заинтересованные стороны договариваются между собой. Это можно делать непосредственно или с привлечением посредников по выбору участников в лице третьего государства, какой-либо международной организации или Международного Суда в Гааге. В таком случае добраться до решения и принять его невозможно, если постоянно оборачиваться назад, оглядываться на древность, а не развернуться лицом в будущее и самим его формировать.

Выше уже отмечалось, что спорящие не апеллируют к строгим юридическим документам, способным убедительно подтвердить их претензии. Все они обращаются к историческому фону, а скорее к собственным представлениям о нем. Такая диспозиция приводит к выводу, что поиск решений территориальных споров в ЮКМ может идти преимущественно на политическом поле, а решения — зависеть от соображений дальней стратегии, быть вариативными по составу участников и поэтапными во времени. Иными словами, было бы опрометчивым рассчитывать на то, что все удастся урегулировать комплексно, одномоментно, «большим пакетом». Так или иначе, надо быть готовыми к тому, что этот поиск окажется нескорым процессом, с большой вероятностью сбоев, демонстративных перемен настроения, откатов от, казалось бы, твердо заявленных позиций.

* * *

Вариант, при котором все спорщики заявят об отказе от своих претензий и выразят готовность к переговорам с «чистого листа», представляется абсолютно нереалистичным. Для Китая это было бы равносильно геополитическому отступлению, созданию прецедента перелицовки собственной версии истории, чреватого потрясением устоев внешней политики страны на всех азимутах. Достаточно напомнить, что все группы островов в ЮКМ под китайскими названиями перечислены в принятом в 1992 г. Законе о территориальном море (водах) КНР как китайская территория, а также включены в состав специально образованной под эти цели островной провинции Хайнань. Почти вся акватория ЮКМ именуется в Пекине «китайскими историческими водами». При таких исходных позициях оказываются «подвешенными в воздухе» ссылки Китая на применение положений Конвенции ООН по морскому праву, ибо она исходит из наличия международно-признанных государственных пределов, включая вопрос о том, что можно считать историческими водами.

К Конвенции апеллируют и страны ЮВА, споря не только с Китаем, но и между собой. При этом они пытаются «растягивать» положения Конвенции применительно к своим интересам, стараясь инкорпорировать спорные островные районы в состав собственных провинций. Так, например, Филиппины, состоящие из более чем 7 тыс. островов, примеривая на себя особый статус «архипелажных вод», предусмотренный Конвенцией, долго изыскивали возможность подвести под него занятую ими часть островов Спратли под местным названием «Калаян». Хотя в установленные конвенциональные критерии это не вписывалось, Манила объявила о присоединении указанного района к провинции Палаван в качестве особой административной единицы, а затем стала избегать название «Южно-Китайское море», заменяя его на «Западно-Филиппинское». Вьетнам, обиженный на Китай за оккупацию Парасельских островов, закрепил свои взгляды в Морском законе 2012 г. и тоже подбирает собственное наименование для ЮКМ. Тайвань, твердо следует имперским китайским взглядам на ЮКМ, то есть де-факто солидарен с Пекином. Но несмотря на отлив и приливы в отношениях с материковой частью Китая, держится особняком, дабы таким образом обозначить свою самостоятельность и в данном аспекте.

Тем не менее, вопрос о закреплении территориального статус-кво в ЮКМ не выглядит бесперспективным. По образцу Европы, каждый при этом мог бы оставаться при своей интерпретации исторических событий, отдав ее на окуп научным кругам. Почему бы, например, не рассматривать отдельно две основные группы островов — Парасельские (КНР — Вьетнам) и Спратли? Если брать Спратли, Филиппины на сегодня заняли 8, КНР — 9, Вьетнам — 21, Малайзия — 3, Тайвань — 1 (наиболее крупный). Причем речь идет о явочном порядке, что не отменяет перекрещивающихся претензий. Трудно представить, как при такой конфигурации претендентов могут выглядеть переговоры по этой группе островов на двусторонней основе. Действительно, классический подход подразумевает двусторонность в решении территориальных проблем. Но кто с кем и о чем будет говорить? Китай предлагает свой путь и настаивает на нем. Если он имеет в виду недопущение вмешательства внерегиональных сил, будь то созыв широкой международной конференции, которая занялась бы разбором территориальных споров в ЮКМ или навязывание извне арбитражных институтов, то с ним можно согласиться. Но тогда, принимая во внимание его «весовую категорию» великой державы, от него желательно получить конкретизацию его собственной точки зрения хотя бы в отношении «переговорной технологии». Иначе его позиция выглядит формальной и крайне общей, отстраненной от реальных обстоятельств.

Своеобразная двусторонность с Китаем могла бы сложиться при условии, что спорящие страны, входящие в АСЕАН, согласились бы под эгидой ассоциации зафиксировать нынешний статус-кво по островам Спратли между собой. Такой образ действий отвечал бы генеральной линии развития АСЕАН, ставящей перед собой амбициозную и далеко идущую задачу создания к 2015 г. интеграционного сообщества — экономического, социально-культурного, политики и безопасности. АСЕАН также исходит из того, что продвигаясь по этому пути, ассоциация будет закреплять за собой положение центрообразующей организации тихоокеанского бассейна. А именно так она себя позиционирует сейчас.

В рамках подобной логики сохранение внутри АСЕАН территориальных и пограничных споров между ее членами в принципе становится тяжелым грузом, тормозящим фактором, инородным явлением по отношению к заявленным целям, особенно в сфере политики и безопасности. Тревожные признаки разобщенности в этой сфере начинают давать о себе знать, как это случилось в 2012 г. в Пномпене, когда впервые в истории Ассоциации не удалось согласовать итоговый документ ежегодной встречи. Формально речь шла о формулировках, затрагивающих территориальные споры с Китаем ряда ее стран-членов, но за этим просматривается гораздо более широкий подтекст. На каком-то этапе АСЕАН придется осознать, что решение генеральной задачи формирования тесной внутренней взаимосвязанности (*connectivity*) вряд ли осуществимо без сня-

тия таких обременителей и раздражителей, как территориальные и пограничные споры на всем пространстве Ассоциации. Будет ли это сделано сразу или постепенно, вопрос времени и политической воли. Начать можно с островов Спратли, которые стали бы символом большого асеановского консенсуса.

Подобного рода консенсус подразумевает разрушение стереотипов, преодоление серьезных ментальных барьеров. Но он служил бы показателем зрелости АСЕАН, гасил ненужные ей эрозийные проявления, упрочивал ее международный авторитет. В свою очередь консолидированный подход асеановских стран-участниц споров с Китаем усиливал бы их индивидуальные позиции в двустороннем диалоге с этой страной по территориальным вопросам в ЮКМ.

* * *

Движение в этом направлении отнюдь не означает подмены или отказа от выработки такого документа, который бы кодифицировал нормы поведения в ЮКМ. То есть развивал и дополнял положения Декларации, принятой в 2002 г. АСЕАН и Китаем, только делал бы это в более строгой договорной форме. Соответствующая задача неизменно стоит в повестке дня асеано-китайских отношений уже в течение ряда лет, не вызывая возражений ни у одной из сторон. Ее позитивное решение позволило бы разрядить общую обстановку в ЮКМ и создать более здоровую атмосферу вокруг территориальных споров, работало бы на обеспечение свободы судоходства. Поэтому можно утверждать, что в появлении такого документа есть живая заинтересованность международного сообщества.

Понятно, что подготовка обязывающего кодекса — дело ответственное и сложное, будь то с точки зрения концептуальных замыслов или в плане содержательного наполнения. Декларация 2002 г. представляется весьма удачной первоосновой. Она содержит в себе достаточные предпосылки и солидные правовые заделы для того, чтобы стать каркасом намеченного документа. Думается, определенную пользу его составителям могло бы принести обращение к опыту других стран, например, в том, что касается необходимости конкретизировать понятие «меры доверия». В общем виде о них упоминается в Декларации. Между тем, это положение заслуживает специального внимания, учитывая тревожные симптомы ситуации в ЮКМ.

Существуют прецеденты подобного рода документов с участием Китая. Они были выработаны и подписаны применительно к районам сухопутных границ между Китаем и Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Индией. Примечательно, что соответствующие соглашения заключались тогда, когда еще не были до конца и полностью решены вопросы о границе. То есть, два переговорных процесса вполне могут идти параллельно, дополняя, а временами подталкивая и стимулируя друг друга. На первый взгляд, речь в этих документах идет о военной сфере, очень чувствительной самой по себе. Но по сути, они затрагивают глубинные политические аспекты взаимоотношений, коренные национальные интересы государств-участников. Поэтому базовые элементы сформулированных в них мер доверия могут рассматриваться в гораздо более широком контексте как географически, так и субстантивно.

Возьмем два документа, которые, по общему признанию, носят «первопроходческий» характер для АТР и сразу вызвали большой резонанс в мире.

Первый — это Соглашение 1996 г. между Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Китаем об укреплении доверия в военной области в районе границы, давшее толчок развитию многопланового конструктивного взаимодействия стран-участниц и стимулировавшего образование в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества.

Второй — подписанное в 1990 г. Соглашение, тогда между СССР и КНР, о руководящих принципах взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления мер доверия в военной области в районе границы. Из него выросло упомянутое Соглашение 1996 г., а затем Соглашение 1997 г. между пятью государствами о взаимном сокращении воору-

женных сил в районе границы (последнее представляет интерес в качестве инструмента постоянного мониторинга военной активности в согласованных географических зонах, включая институт взаимных инспекций).

Можно заметить что, во-первых, предметное обсуждение темы мер доверия шло поэтапно — от выработки общих установок к согласованию конкретных моментов и, во-вторых, был проявлен творческий подход, когда стороны соглашались фиксировать договоренности по мере их достижения. Иными словами, сами переговоры о выработке мер доверия выполняли функцию укрепления доверия между странами и взаимопонимания между их военными кругами, а это всегда имеет важное, нередко определяющее значение.

Что касается самих договоренностей, то, думается, вполне актуальными можно назвать такие формулы, как «взаимное неприменение силы или угрозы силой», «отказ от получения одностороннего военного превосходства», «повышение уровня транспарентности в военной области» (Соглашение 1996 г., преамбула), то, что «вооруженные силы не будут использоваться для нападения на другую Сторону, вести какую-либо военную деятельность, угрожающую другой Стороне». (Соглашение 1996 г., статья 1). Соглашение 1996 г. также предусматривает ежегодный обмен информацией о согласованных компонентах вооруженных сил и пограничных войск, направление уведомлений о крупномасштабной военной деятельности и перемещениях войск, приглашение наблюдателей на военные учения, укрепление дружеских контактов по военной линии. Все эти меры неукоснительно выполняются странами-подписантами. Создан и бесперебойно действует специальный механизм — совместная контрольная группа дипломатических и военных экспертов, призванная отслеживать ход реализации Соглашения 1996 г. (а также Соглашения 1997 г.). Символично, что Соглашение 1996 г. о мерах доверия имеет неограниченный срок действия.

Наполнено важным политическим смыслом установочное Соглашение 1990 г. Заложенные в нем руководящие принципы имеют собственное лицо, сохраняют свою важность в качестве примера и образца конструктивного подхода к развязыванию сложных узлов межгосударственных отношений.

Далеко идущее значение имеет правозглашение базового принципа «взаимной равной безопасности». Новаторски звучит обязательство, гласящее, что войска сторон будут «лишены способности осуществлять внезапное нападение и вести наступательные операции». Практическое преломление могло бы иметь положение статьи 7 о том, что «до всестороннего разрешения пограничных вопросов стороны строго соблюдают статус-кво (на границе)».

Разумеется, речь здесь ведется не об автоматическом переносе или о прямом заимствовании всего того, чем наполнены два соглашения, но эти документы могли бы стать полезным подспорьем для разработчиков Кодекса поведения в ЮКМ.

* * *

Россия, будучи по своему географическому положению евро-тихоокеанской державой, реально заинтересована в том, чтобы существующие в зоне Тихого океана трения, включая территориальные споры в ЮКМ, не принимали конфронтационный облик, тем более не перерастали в силовые акции. Отдаленность России в морских милях от района ЮКМ не может и не должна восприниматься как ее отстраненность от того, что в нем происходит, и куда там могут пойти события.

У России ровные, нормальные, партнерские связи и контакты, со всеми странами, расположенными в Восточной Азии, уважительное отношение к АСЕАН как к утвердившейся организации с большими перспективами. Всестороннее доверительное стратегическое партнерство с Китаем — важнейший приоритет российской внешней политики в целом и в АТР, в частности. У нее существует понимание характера взаимодействия США с их традиционными контрагентами в регионе, своя оценка политики Ва-

шингтона, нацеленной на то, чтобы закрепить и усилить свое присутствие в Восточной Азии, особенно вблизи морского оборонительного периметра Китая.

Вместе со всем международным сообществом Россия хочет, чтобы в ЮКМ не возникало обострений, подрывающих мирную обстановку в регионе и угрожающих свободе мореплавания. Так сложилось, что решение территориальных споров в ЮКМ находится в связи с режимом навигации, то есть переплетение проблем, которые принято решать в двустороннем суверенном порядке, как бы оказывается в одной плоскости с многосторонними озабоченностями. Но это не означает их смешивания в один искусственный узел, который только способен становиться все более запутанным и опасным.

Следует выстраивать рамочный контур российской позиции по ЮКМ, исходя из всех параметров развития обстановки. Безусловно, она должна обладать внутренней подвижностью, быть адекватной обстоятельствам, более того — быть способной влиять на них, в том числе путем дружественных рекомендаций на основе собственного опыта и работок в деле культивирования атмосферы доверия и взаимопонимания между странами.